Глава первая

ДВАЖДЫ «НЕВЫЕЗДНОЙ»

От служебного здания аэродрома микроавтобус с несколькими пассажирами, мягко покачиваясь на рессорах, быстро проехал по бетонке и вырулил на взлётную полосу прямо перед самолётом. Двери открылись и к самолётному трапу из машины вышли те, кого уже ждал экипаж авиалайнера. Два пилота, бортмеханик и бортпроводник турбореактивного Як-40 поприветствовали подошедших, а командир экипажа рапортовал о готовности к вылету. Рейс до Быкова с промежуточной посадкой в Куйбышеве должен был занять чуть более трёх часов.

Сергей Павлович выслушал доклад и вдруг впервые для себя с какой-то весёлостью сказал давно знакомому командиру воздушного судна: «Василий Васильевич, уж как мы вам, наверное, поднадоели со своими перелётами, но ничего – скоро всё закончится...» Первый пилот широко улыбнулся и ответил: «Да что вы, товарищ главный конструктор, ваши сотрудники – идеальные пассажиры. Без капризов. Не чета многим из тех, кто регуляркой летал на нашей машине к тёще на блины, от которых порой не знаешь чего ждать – то ли храпа на весь салон, то ли взрослой шалости от выпитого на дорожку».

Посадка была недолгой. Вскоре вся небольшая группа сотрудников Коломенского КБМ – Конструкторского бюро машиностроения – разместилась в салоне. Недолгий разбег и вот машина уже в воздухе, быстро набирает высоту и ложится курсом на северо-запад. Солнце заливает ярким светом всё степное пространство под крыльями лайнера, и на земле, где пока лето в расцвете, ещё преобладает зелёный окрас травы и кустарников.

Сергей Павлович глянул в иллюминатор и в очередной раз подивился широким просторам, над которыми они те-

перь летели – над полигоном Донгуз. К тому времени без малого год пробыл он здесь, на степных пространствах с крепчайшими морозами зимой и несносной жарой в летнюю пору. Лора, его жена, уже придумала подходящее к нынешнему положению супруга шутливое определение – дважды невыездной. Она подразумевала, что её муж как работник секретного предприятия не имел в то время права на загранпоездки. И вдобавок к этому министр оборонной промышленности в ту пору попросил главного конструктора о постоянном присутствии на месте испытаний по доводке особо важного изделия.

Эта деликатная просьба руководителя отрасли по существу не подразумевала отказа. Впрочем, и сам Сергей Павлович понимал необходимость своего присутствия на завершающем этапе работы над новым видом вооружения, которое с нетерпением и интересом ожидали в армии. Простым словом «изделие» с добавлением какого-нибудь числа в советском оборонпроме испокон веку было принято называть практически любой образец новых вооружений для соблюдения обязательной тайны. Когда и кем это было заведено – трудно сказать. В портфеле главного конструктора, который он сейчас вёз в столицу, были все ключевые документы по одному из таких изделий – отчёты, акты, заключения специалистов, фотографии, киноматериалы. За всем этим подразумевался первый советский переносной зенитно-ракетный комплекс «Стрела-2». На большинстве секретных бумаг стояла его подпись – главный конструктор С. П. Непобедимый, хотя вся эта работа, надо заметить, начиналась при главном конструкторе Б. И. Шавырине. Но из-за тяжёлой болезни Борис Иванович, к сожалению, ушёл из жизни, и все хлопоты по этому изделию, естественно, перешли к новому руководителю КБ.

Нынче он летел в столицу, чтобы доложить о том, что постановление советского правительства от августа 1960 года по созданию ПЗРК выполнено. Он заявит об этом твёрдо, со знанием дела – ибо в противном случае ради чего он был почти невыездным с полигона, хотя урывками нередко мотался в Москву или к себе в КБ по неотложным и необходимым с его присутствием вопросам? Каждая техническая бумага по столь грозному оружию прошла через его руки, каждая из них осела в его багаже знаний и памяти. И уже сейчас хоть разбуди ночью – он всё и обстоятельно со всеми деталями расскажет о том, что сделано для рождения советского первенца в будущей большой семье ПЗРК. И те-

перь от промышленности будет во многом зависеть, когда «Стрела-2» придёт в войска.

У Непобедимого в этот раз предполагались два визита – к С. А. Звереву и Д. Ф. Устинову. Отчёты для них – министра оборонной промышленности СССР и для секретаря ЦК КПСС – уже готовы. Ему оставалось ждать вызова. По прилёте в Быково до Коломны добрались быстро и без помех и в тот же день позвонили из министерства – назавтра его ждали в столице. После душа и вкусного обеда Лоры уставшее тело просило отдыха.

Последующие несколько дней он провёл в разъездах между Коломной и столицей. Первым был вызов в Министерство оборонной промышленности, расположенное на узкой 1-й Брестской улице. Сложенное из кирпича песочного цвета, его здание выглядело довольно массивным с непропорционально малым числом окон. Незадолго до этого к нему был пристроен новый корпус. В нём разместился главк, в который входило Конструкторское бюро машиностроения. Тогда и потом Непобедимый будет являться сюда много раз с ощущением сопричастности его самого и стоящего за ним конструкторского бюро многим незримым для непосвящённых делам по созданию современного оружия.

Минута в минуту он открыл дверь в приёмную, и почти сразу ему было предложено войти в кабинет министра. Глава всей оборонной отрасли страны Сергей Алексеевич Зверев с привычной шевелюрой густых седых волос вышел из-за своего стола и пошёл навстречу Непобедимому. Он пожал главному конструктору руку и сказал, что с нетерпением ждет его рассказа о завершении работ с новым изделием. В длинной череде докладов о делах оборонной промышленности министр в последний год особо следил за тем, как продвигается работа с ПЗРК. Время от времени он получал из Донгуза краткие отчёты об испытаниях. Сам вышедший из конструкторской среды, Зверев понимал всю сложность разработки «Стрелы-2». Её создателей не торопил, но поторапливал.

Как и многие высшие руководители Союза, он знал, что американцы начали работы над новым классом оружия на пару лет раньше. О том, что уже многие годы в этом направлении идёт невидимое соревнование между конструкторскими школами Запада и в первую очередь США с одной стороны и СССР с другой. Впрочем, об этом лучше всего ведали в Коломне, в КБ Шавырина, а ныне – Непобедимо-

го. И потому теперь с немалой долей азарта Сергей Алексеевич ждал итогового сообщения Сергея Павловича.

Они подошли к длинному столу, на котором Непобедимый разложил все те документы, которые помогут ему в самой сжатой форме доложить о результатах многолетней и сложной работы. Схемы, рисунки, фотографии, различные таблицы, на которые главный конструктор по ходу дела указывал рукой, играли в этом строгом разговоре вспомогательную, как бы подтверждающую роль. Зато все умозаключения, выводы, перемежаемые точными цифрами, он высказывал вслух ясно и отчётливо. Он был по-хорошему уверен в себе и любое сомнение министра насчёт изделия мог развеять ссылкой на точные и проверенные данные вот в этих, лежащих на столе, документах.

Зверев слушал внимательно, лишь изредка что-то уточнял или спрашивал. Когда главный конструктор закончил изложение по существу дела, возникла короткая пауза. Сергей Алексеевич осмыслил услышанное, а потом стал неспешно говорить. Он заметил, что как министр высоко оценивает результаты работы всех, кто был причастен к созданию столь грозного оружия. А потом начал вслух размышлять о перспективах. Главное, на чём он сделал упор – это наладить производство ПЗРК. «Соединение усилий КБМ и промышленности потребует стараний многих и вам, Сергей Павлович, придётся играть в этом деле первую скрипку. Но об этом подробнее поговорим позже».

Перед расставанием министр предупредил, что сегодня же проинформирует об отчёте Непобедимого секретаря ЦК КПСС Дмитрия Фёдоровича Устинова. Потом с лёгкой улыбкой он вдруг неожиданно спросил у главного конструктора, что ему более всего запомнилось за всё время работы по такой важной теме. Ведь годы прошли – не шутка. Сергей Павлович несколько удивился вопросу, но с ответом долго не задержался. Он рассказал министру о чувстве, которое у него возникло при подготовке к первому пуску ПЗРК по реальной цели. Это было чувство сожаления, когда он близко подошёл к реактивному фронтовому бомбардировщику Ил-28, который был подготовлен к полёту в беспилотном режиме.

Перед ним стояла красивая серебристая машина, переоборудованная в радиоуправляемую летающую мишень, и она была обречена стать первой целью для «Стрелы-2». «Потом, – сказал Сергей Павлович, – я видел на кадрах специальной киносъёмки, как ракета ударила в хвостовую

часть самолёта, и он в воздухе стал разламываться на фрагменты. И в этот момент уже было двойственное ощущение. Однако печаль по самолёту была всё же вытеснена восторгом и удовлетворением от успешного результата первого выстрела».

Вернувшись к вечеру того же дня домой, подуставший от напряжения и переездов последних дней, Сергей Павлович к утру хорошенько отоспался. Уже на работе, просматривая почту последних дней, услышал звонок по аппарату, связанному с Москвой. Он снял трубку и через несколько минут от звонившего ему работника ЦК узнал, что назавтра его приглашает к себе Устинов.

В назначенное время следующего дня Непобедимый уже был на Старой площади. Дмитрий Фёдорович поздоровался с гостем и пригласил сесть. Потом завёл разговор об изделии и сказал, что накануне Зверев вкратце доложил ему о визите Непобедимого и итогах работ по ПЗРК. Сергей Павлович открыл портфель и собрался извлечь отчётные материалы, но хозяин кабинета остановил его. «Погоди, Сергей Павлович, с бумагами, – сказал Устинов, – ты мне прежде скажи вот что: ты уверен в вашей “Стреле”?» – и прямо посмотрел в глаза своего гостя. Сергей Павлович не смутился и без задержки спокойно ответил, что у него нет никаких сомнений насчёт изделия. И тут же добавил, вспомнив разговор у министра, что на перспективу серийного производства смотрит положительно – на то есть все основания.

Устинов отвёл свой испытующий взгляд и, как показалось Непобедимому, слегка облегчённо вздохнул. А потом вдруг спросил – не собирается ли главный конструктор в ближайшие дни в командировку? И не дождавшись ответа, добавил, чтобы он был в ближайшие дни наготове. Быть может, ему придётся ещё раз приехать в столицу: «Но это – вероятность, а пока ты всё же далеко не отъезжай».

Далее Сергей Павлович стал подробно рассказывать о заключительном этапе работы по «Стреле-2», приводил существенные доводы в её пользу и при этом отметил про себя, что Устинов слушает его так внимательно, словно впитывает в себя все резоны докладчика. Непобедимый знал, что Дмитрий Фёдорович весь последний год отслеживал их работу в Донгузе. Именно ему, секретарю ЦК, который в партийном ареопаге отвечал за всю «оборонку» страны, главный конструктор регулярно посылал с полигона шифровки о работе по этой теме. На обратном пути домой он

пытался понять смысл туманных высказываний Устинова, но к какой-либо догадке так и не пришёл.

В первые дни после московских визитов Непобедимый включился в работу по своему обычному распорядку, но при этом держал в уме скорую обратную поездку на полигон. Для него это будет, скорее всего, завершающий вояж по теме. А пока он вникал в текущие проблемы своего КБ и постоянно поддерживал связь с Донгузом. Для него важным было знать обстановку на полигоне – ведь испытания ПЗРК продолжались там своим чередом, по графику.

Так прошло несколько дней. В какой-то момент на его столе зазвонил телефон. На проводе по спецсвязи – министр. Это был понедельник, а на утро четверга, что вытекало из разговора, Сергею Павловичу надо было вновь явиться на Старую площадь со всеми материалами по теме и быть готовым к докладу. Иных подробностей от Зверева он не услышал. Но приученный ко всему неожиданному всем своим опытом работы в оборонной отрасли он дисциплинированно взялся вновь за отчёты и ещё раз с цветными карандашами просмотрел справки и экспертные заключения, выделяя в них синим или красным цветом самые важные выводы и наблюдения.

В столицу Непобедимый уехал в среду вечером, остановился в забронированном для него номере гостиницы «Москва». Следующим днём к девяти часам он, как говорят военные, прибыл к месту и поднялся на лифте на этаж, где располагался кабинет Устинова. В просторной приёмной уже собралось немало людей. Многих из них Сергей Павлович хорошо знал – это были руководители оборонных предприятий, с кем ему в разные времена доводилось тесно соприкасаться в работе. Здесь же был и Зверев. Увидев Непобедимого, министр тотчас подошёл к нему и, взяв под локоть, сказал, что на сегодня намечено заседание Совета обороны СССР и ему, Непобедимому, возможно, придётся выступить там по его последней работе.

Сергей Павлович давно уже слышал в верхах об этом секретном руководящем органе. То была высшая инстанция, состав которой, кроме узкого круга лиц, никогда и никому не был известен. Он, конечно, хотел поподробнее расспросить Зверева о предстоящем заседании, но вовремя сдержал себя, справедливо рассудив – зачем докучать ему в преддверии архиважного совещания? Тем более что министр сказал «возможно»... Про себя Непобедимый решил: дадут слово – он скажет. Ему есть, что рассказать – в этом он был

уверен. Однако на один вопрос пока не мог найти ответа – почему, когда он был у Устинова, тот не сказал ему о Совете обороны?

Впрочем, этот вопрос у него в голове промелькнул мимолётно, Сергей Павлович не стал на нём зацикливаться – он счёл важным хотя бы накоротке переговорить здесь и сейчас с кем-то из своих давних сподвижников по работе над разными изделиями. Руководители КБ или оборонных заводов, которые были здесь, отражали обширную географию всей страны. Сергею Павловичу были приятны и полезны короткие беседы с коллегами с Урала, из Ленинграда, с Волги и ещё из множества городов и весей. Когда ещё так увидишь их всех и сразу в одном месте?!

В один из таких сиюминутных диалогов его вызвали. Пока шли коридором, сопровождающий его работник ЦК КПСС пояснил, что для него, Непобедимого, выделено место рядом с товарищем Зверевым. Сергей Павлович спросил провожатого, нужно ли его служебное удостоверение при входе на заседание. И услышал короткий ответ – нет, это излишне. Здесь всех знают в лицо.

Они вдвоём подошли к залу с открытыми дверями. Кто-то из него выходил – был объявлен короткий перерыв. Сергей Павлович вошёл и увидел Зверева. Тот жестом пригласил его к своему месту, а вскоре переток людей завершился, двери в зале закрылись, и Совет обороны СССР продолжил свою работу. Здесь Сергей Павлович впервые так близко увидел тот круг официальных лиц – руководителей КПСС и Союзного правительства, фамилии которых часто упоминали на телевидении и по радио. Он не удивился составу секретного руководящего органа власти. «Других-то здесь быть не должно», – подумал он тогда. В середине длинного стола, за которым расположились члены Совета обороны, сидел его председатель – генсек ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Леонид Ильич открыл лежащую перед ним красную папку и объявил тему предстоящего разговора. В ряду важных проблем надлежало обсудить положение дел в Сухопутных войсках Вооружённых сил Советского Союза. С кратким докладом выступил один из заместителей министра обороны. Непобедимый слушал внимательно. По мере представления аудитории множества фактов и анализа положения вещей, в котором была дана общая позитивная оценка, спецдокладчик, как и ожидал Сергей Павлович, после слова «однако» энергично перешёл в «красную зону» критических суждений и замечаний. Самым весомым тут

был аргумент, что сухопутные войска потенциально могут быть более уязвимыми при налётах боевой авиации противника при современной тактике её использования в боях. Далее шёл детальный рассказ о том, какими потерями это может обернуться для наземных войск.

Нельзя было не ощутить, что тщательно отшлифованный текст сообщения в своей критической части нёс в себе мощный потенциал для «оргвыводов» в отношении тех, кто по должности должен отвечать за любое объективное упущение в организации обороны, что, по-видимому, подразумевалось в прозвучавшем докладе. Сергей Павлович в тот момент хорошо понимал, куда клонил выступающий перед высшим руководством страны. Суть в том, что после появления зенитных ракетных комплексов их боевые заряды стали доставать противника на самых больших высотах. У всех на устах в те времена был пример американского пилота самолёта У-2, который после нахального пролёта через территорию СССР был сбит на высоте двух десятков километров. Вскоре другой американский самолёт-разведчик был уничтожен над Кубой советской ракетой ЗРК.

Уязвимость боевой авиации перед новыми средствами противовоздушной обороны заставила военных специалистов искать иные способы преодоления или избежания зон поражения. Отчёты по этой теме регулярно ложились на стол главного конструктора, и он их всегда внимательно читал. В то время для Непобедимого уже не было секретом, что отечественные и зарубежные аналитики пришли к логичному выводу, что проследование через зоны огневого поражения от систем ПВО надо находить в комбинации новых приёмов использования реактивных самолётов. Так зарождались идеи полётов на максимальных скоростях и на минимальных высотах.

Он внимательно следил за развитием военной мысли в этом направлении и уже в деталях знал, что подразумевается под такими многозначными терминами, как противозенитный, противоракетный или противоистребительный маневры, как проводится построение боевых порядков авиации, что такое проход или обход зон поражения по направлению и высоте... Для главного стратегического противника тех лет – США — новые познания в этой сфере были архиважны. Ведь американцы вели войну во Вьетнаме и во время своих безжалостных бомбардировок теряли немало самолётов. Именно они и вместе с ними израильские военные на Ближнем Востоке интенсивно искали способы

уменьшения своих потерь в воздухе. Они настойчиво методом проб и ошибок нащупывали «коридоры выживания» для своих скоростных машин, несущих смерть людям, которые жили за тысячи километров от благословенных Штатов и никак не покушались на их благополучие.

Когда спецдоклад был закончен, на несколько мгновений возникла небольшая пауза. Её вскоре прервал Л. И. Брежнев, первое лицо огромной страны – тогда ещё он выглядел довольно молодо и при этом демонстрировал умение без особой сложности и задержки вникать в суть многих проблем в жизни государства. Ему, вернувшемуся с Великой Отечественной войны после освобождения Праги генерал-майором, всегда были близки заботы военных о модернизации армии. В начале выступления он справедливо отметил растущую мощь Вооружённых сил страны, одобрительно отозвался об огромных усилиях и затратах для укрепления обороноспособности Союза. Но далее он сделал упор на той части спецдоклада, в которой шла речь о потенциальной слабости защиты сухопутных войск от налётов авиации.

Поначалу он говорил спокойно, но постепенно голос его обретал металлический оттенок с характерным южнорусским говором. Ближе к концу своего монолога Леонид Ильич уже выказывал явное неудовольствие той ситуацией, которая была изложена в справках Министерства обороны. При этом он многозначительно посматривал в сторону то Устинова, то Зверева, поднимая градус своей критики. В конечном итоге генсек предложил оперативно создать комиссию для партийной оценки недопонимания важности текущего вопроса...

Для ответа по существу дела предложили выступить секретарю ЦК Устинову. Дмитрий Фёдорович, к тому времени посвятивший большую часть своей деятельности оборонной отрасли, не стал возражать генсеку. В коротком ответе он сделал упор не на оправдании – такое не приветствовалось на совещаниях подобного уровня, – а на объективном доводе, что только нынешнее состояние конструкторской и технологической мысли в Советском Союзе позволяет решить столь важную проблему, как защита наземных войск. Это свершилось в самое последнее время – огромными усилиями выполнены соответствующие решения ЦК и правительства. Сегодня мы можем сказать, что в Советском Союзе создан новый вид оружия, который в значительной мере позволит снять озабоченность в при-

крытии наземных частей от ударов авиации. И тут он предложил выслушать Непобедимого, который присутствует здесь и как главный конструктор может рассказать о работе своего коллектива в создании переносных зенитных ракетных комплексов.

Было видно, как Брежнев слегка наклонился к главе правительства Косыгину, что-то ему сказал, а после уже спокойным тоном предложил выступить главному конструктору товарищу Непобедимому. Такой поворот ситуации стал для Сергея Павловича необычным экзаменом, но билет, который здесь и сейчас выпал, был ему хорошо известен. Потому он не стушевался, а собрался с духом, вышел со своего места вперёд и стал раскладывать перед собой на небольшом журнальном столике материалы по теме. Ему тогда вдруг пришла в голову простая мысль – ведь здесь среди слушателей высокого ранга, вероятно, мало кто знает о их новом изделии. Даже такого словосочетания – переносный зенитный ракетный комплекс – не было ещё в лексиконе нашего языка.

С риском, что его остановят и напомнят о регламенте, он решил всё же говорить теперь языком максимально простым для восприятия строгих слушателей. И первое, что он сообщил по теме – что испытания изделия перешли в завершающую стадию. Они показывают хорошие результаты, и всё это даёт основание сказать, что новый вид оружия для борьбы с авиацией потенциального противника может быть в короткие сроки поставлен на серийное производство.

Потом, не снижая темпа, Непобедимый поведал о смене боевой тактики авиации с упором на низкие высоты и большие скорости. В этой ситуации наилучшим образом сможет прикрыть от налётов при защите командных пунктов сухопутных сил и бронетанковых батальонов на поле боя или на марше именно то, над созданием чего коллектив КБМ напряжённо работал более пяти лет. Это – первый советский переносной зенитный ракетный комплекс «Стрела-2». Именно он даёт возможность поражать самолёты и вертолёты на самых малых высотах. Причём, подчеркнул Сергей Павлович, этот комплекс транспортирует и применяет в боевой обстановке всего один человек, который может делать это на поле боя и даже с брони движущихся танков или бронетранспортёров. Тактические достоинства, которые первый советский ПЗРК показал на стрельбах, позволяют говорить о большой перспективе этого изделия для активной противовоздушной обороны.

Сергей Павлович уверенно и даже увлечённо говорил о технической новинке своего предприятия. Потом заметил, что Косыгин хочет что-то спросить – он чуть-чуть, почти по-школьному, приподнял локоть от стола и так держал руку, пока главный конструктор не обратил на него внимание. Алексея Николаевича интересовала себестоимость каждого образца нового вида вооружения – Непобедимый без задержки назвал эту цифру, ибо она уже обсуждалась и называлась на совещаниях на предприятии, в министерстве. Последовал тут же другой вопрос: а где будет выпускаться это изделие? Какие мощности будут подключены для этого? И здесь главный конструктор не задержался с ответом, сказал, что к серийному выпуску готовятся два завода – в Коврове и Ленинграде, а также ряд смежных предприятий, которые будут подключены к общей кооперации по этой теме.

Сергей Павлович подчеркнул, что в настоящий момент все проблемы решаются успешно и находятся под постоянным контролем товарищей Устинова и Зверева. Последние слова не были проявлением услужливости по отношению к секретарю ЦК и министру – этой черты никогда не было в характере Сергея Павловича. Он досконально знал, что оба они строго следят за подготовкой производства ПЗРК и надзирают за всеми процессами в этом деле, образно говоря, денно и нощно. Это их внимание к миссии коломенского Конструкторского бюро машиностроения всегда окрыляло тех, кто решал оборонную задачу огромной важности.

Потом он перешёл к тактико-техническим характеристикам комплекса и сделал основной акцент на том, что этим оружием владеет и управляет один человек. Стрелок-зенитчик может пускать смертоносную для самолёта ракету из окопа, с колена или стоя. Его задача – поймать в прицел летящую машину. Как только тепловая головка самонаведения захватывает цель, боец включает команду «Пуск». Выброс ракеты из пусковой трубы и дальнейший полёт в автоматическом режиме до цели по её инфракрасному излучению прямо или зигзагами в зависимости от манёвров объекта в воздушном пространстве занимают считаные секунды.

Сергей Павлович не стал тогда прибегать к привычным в его конструкторской среде индексам в наименованиях комплекса – 9К32 — и ракеты – 9М32. Он по возможности просто рассказал о тактико-технических данных ПЗРК «Стрела-2»– о его двухступенчатой двигательной установ-

ке, о боевой части с взрывательным устройством с двумя ступенями предохранения и механизмом самоликвидации, о системе управления с автопилотом и о многом другом, что можно было поведать за короткое время.

Когда главный конструктор закончил, Брежнев поблагодарил его за важное сообщение и спросил: а нет ли среди бумаг докладчика иллюстраций выполненной работы? Они, конечно, были, лежали на столе перед Непобедимым, который, пожалуй, был рад этому вопросу. Выбрав из документов нужные здесь и сейчас, он подошёл к столу, за которым сидели руководители, и раскрыл перед ними нечто похожее на большую бумажную гармошку. На умело подобранных кадрах скоростной киносъёмки легко просматривались моменты подлёта ракеты к цели и поражения её – всё было наглядно и убедительно. Докладчик начал пояснять некоторые моменты, особенно те из них, когда ракета подлетала к мишени и наносила удар в район среза сопла двигателя реактивного самолёта. На последующих фото было видно разрушение цели, и это окончательно убедило членов Совета обороны, что ПЗРК — действительно грозное оружие. Они положительно оценили итог многолетней работы.

После завершения заседания его участники стали расходиться. Уже в коридоре, на выходе из зала, к Непобедимому подошёл Устинов. Он поблагодарил Сергея Павловича за убедительное и уверенное выступление по изделию и, пожав ему руку, вдруг сказал: «Вот теперь я тебе всё прощаю! Помнишь моё обещание?» – Устинов с непривычной для себя мягкостью посмотрел на главного конструктора. Непобедимый не сдержался и улыбнулся. Конечно, он в деталях помнил командирский посул строгого властителя советской оборонной промышленности.

Тот случай в их взаимоотношениях с фразой, похожей на строку полузабытого романса «Вернись, я всё прощу», произошёл вскоре после назначения Непобедимого главным конструктором вслед за безвременной кончиной отца-основателя СКБ, а впоследствии Конструкторского бюро машиностроения Б. И. Шавырина. В последующем, в одной из глав мы обязательно обратимся к этому мимолётному эпизоду – он, право, стоит того, – смысл которого был понятен только этим двоим деятелям оборонной отрасли.

А сейчас, пожалуй, пора вновь вернуться в коридоры ЦК, где после заседания Совета обороны СССР мы ненадолго оставили Устинова и Непобедимого. Именно здесь

надо сказать, как складывались взаимоотношения между этими двумя незаурядными людьми. Опытнейший организатор оборонной отрасли, Дмитрий Фёдорович поверил в звезду Непобедимого – но, разумеется, случилось это не в день заседания Совета обороны.

Вера в нового главного конструктора зародилась ещё при его назначении после кончины Бориса Ивановича. А укрепилась она – каким бы парадоксом это ни казалось – после того горячего разговора в позапрошлую осень 1965 года, когда в своей критической позиции в отношении стратегического ракетного комплекса «Гном» Сергей Павлович не прекословил руководству, но обоснованно защищал собственный взгляд на будущее предприятия без стратегического ракетного комплекса, работа над которым началась при Борисе Ивановиче. Непобедимый был твёрд в своём воззрении и убедил самого Устинова в необходимости перевернуть страницу в деятельности КБ. И теперь, после убедительного доклада Сергея Павловича перед высшим руководством страны, вера Устинова в него только укрепилась. С тех пор взаимоотношения этих двух людей переместились на более короткое расстояние, стали дружественными.

Зрелые плоды этой дружбы на деловой основе страна увидит через годы, и мы об этом ещё расскажем. А пока после общего знакомства с главным конструктором в роли «невыездного» до и после эпизода, изложенного в нынешней главе, приступим к жизнеописанию замечательного человека, чья биография была отмечена многими славными делами во имя общего дела – защиты страны в неспокойные времена.

Глава вторая

ЧЕМОДАН, ВОКЗАЛ, КОЛОМНА

Сергей Павлович Непобедимый, герой нашего повествования, ставший на склоне лет москвичом, при случае или по поводу всегда тепло вспоминал о месте своего появления на белый свет. И не раз в такой момент присоединялся к шутливой поговорке, что он из Рязани, где грибы с глазами, их берут – они бегут, их едят – они глядят. Причём иногда в это присловье он вносил особинку мягкого рязанского выговора – «их ядять, они глядять».

Во всех анкетах, которые ему приходилось при жизни заполнять, была, конечно, стереотипная строка – «место рождения». Вписывая в неё имя города, в котором родился и при жизни много раз бывал, он всегда помнил, что здесь, на древнерусской земле встретились его родители. Но самому ему в этом географическом месте жить не довелось. Это было то время, когда на окраинах огромной послеоктябрьской России ещё пламенела Гражданская война. На ту пору его мама с прекрасным именем Елена, дочь из многодетной семьи Андрея Мотина из Пронска, что стоит на Проне, притоке Оки, работала телефонисткой на Рязанской городской станции. В то неспокойное время она встретила на своём жизненном пути молодого парня по имени Павел. Он, красногвардеец из Петрограда, имел необычную фамилию – Непобедимый.

Дважды судьба приводила его на рязанскую землю. До Октября его ссылали сюда за участие в забастовках в столице, а в Гражданскую он служил механиком-водителем на фронте под Царицыном. Он возил и охранял Климента Ефремовича Ворошилова, командующего 5-й армией, а потом – Царицынской группой войск. При возвращении в Питер Павел Фёдорович Непобедимый заболел тифом. Его сняли с поезда в Рязани и положили в госпиталь, выздоров-

ление затянулось на несколько месяцев. После многих невзгод тех бурных лет Павел и Елена поженились, и у них родился первенец – Сергей. Это случилось 13 сентября 1921 года.

Трудности быта вскоре вынудили главу молодой семьи тронуться в путь на свою малую родину, в Курскую губернию. Из писем родных он узнал, что в Щигровском уезде образовалось сельхозпредприятие с непривычно новым названием – совхоз «Никольское». Там нужен был главный механик, вот и поехал туда Павел Фёдорович со своей профессией, со своими практическими познаниями моторов.

Когда он обустроился в Щигровском уезде окончательно – его назначили главным механиком, – то прислал письмо жене: приезжай. Тогда-то она и устремилась вслед за мужем. Собрала нехитрые пожитки и летом 1922 года с младенцем отправилась в путь. Небольшие деньги и документы были упрятаны под платьем, ребёнок укутан по погоде в лёгкое детское одеяльце. Без провожатых вчерашняя телефонистка приходит на вокзал и с посадочным талоном втискивается в общий вагон, заполненный людьми и шумом. Кто-то отодвигается, и ей, молодой маме, освобождается место.

Вагоны с лязгом трогаются, постепенно паровоз вытягивает пассажирский состав в приокские долины. С частыми остановками с заправкой паровоза углем и водой он доходит по холмистой местности до воронежских земель. До Курска с пересадкой в Воронеже почти шестьсот вёрст. На одной из станций – это была Нижнеграйворонка – поезд затормозил. Уставшая от медленного движения состава и вынужденного долгого нахождения в людской тесноте Елена Андреевна попросила добрую попутчицу присмотреть за ребёнком, а сама живо побежала на выход, за водой для чая.

На перроне узнала, где кубовая с обязательным кипятком. Краны с водой оказались за углом рядом, очередь была в несколько человек. Она заполнила котелок кипятком и быстро побежала назад. И здесь случилось то, что и в страшном сне ей не могло бы привидеться. Она, выскочив из-за угла, не поверила глазам – поезда у перрона не было, он виднелся уже вдали, у выходной стрелки, а последний вагон, раскачиваясь, временами закрывался клочьями паровозного дыма. Её обуял ужас от того, что произошло сейчас, в эти короткие минуты. Вот она стоит с кипятком, а вдаль на её глазах уходит поезд, в котором на руках попутчицы остался её крохотный сыночек! И что теперь делать?

До её сознания не доходило, что она скажет мужу Павлу, матери с отцом и, главное, как теперь искать своего первенца, родную кровиночку.

У края платформы стоял дежурный по станции. Она метнулась к нему и сбивчиво, вся в слезах, поведала о своём несчастье. Пожилой железнодорожник, услышав о беде, постарался, как мог, её успокоить – сказал, что сейчас они передадут телеграфное сообщение о происшедшем на следующую станцию. Но тут же, словно вспомнив что-то, сказал плачущей молодой женщине: «Вот что, дочка, поезд твой окольными путями пойдёт до следующей станции Кшень. Но туда есть дорога напрямки, она начинается тут же, от станции, это вёрст семь-восемь будет. Поспешай по этой дороге. Может, какая попутная повозка случится...» И он показал, как выйти на тот большак.

Тут мы на время оставим Елену Андреевну. Сам Сергей Павлович, размышляя над свершившимся некогда с ним в младенчестве злоключением, оценивал его философски – с той точки зрения, что человеку не дано предугадать, что было бы в его будущей жизни в подобном случае. Однако в тот миг при столкновении с крутым замесом обстоятельств его мать, молодая женщина, окрепшая в крестьянских трудах с детских лет, без размышления в момент отбросила котелок с водой и тотчас метнулась к указанной дороге, чтобы не дать судьбе своевольно распорядиться её сыном.

Попутных телег, пока она безостановочно бежала по пыльному тракту, ей не встретилось, да она о них и не думала. Её толкало вперёд и придавало силы только одно внутреннее веление – добраться до прихода поезда. И она успела. Когда из последних сил Елена прибежала по срезанному пути на следующую станцию, поезд появился не сразу. По его пришествии она сразу бросилась к своему вагону. Увидев её, добродушная попутчица обрадовалась и передала ей с рук на руки ребёнка. А потом заметила, что когда мама малыша не появилась в вагоне, то она решила, что в случае чего возьмёт дитя в свою семью, к своим детям.

Вот так, после столь драматической истории, Сергей Павлович оказался в Никольском, где прошло его в буквальном смысле босоногое детство, когда у многих сельских ребят не было добротной обувки, и в летнюю пору для них было обычным делом бегать по улице разутыми. Их семье выделили небольшой домик с хозяйственными пристройками рядом с бывшим господским домом. Прямо за их жилищем располагался большой луг, на котором мест-

ные крестьяне пасли коров. С другой стороны, за прежним имением, на огромной территории раскинулся старинный парк, одной стороной выходивший на берег малой речушки под названием Косоржа с многочисленными запрудами и обязательными водяными мельницами на каждой из них.

Вот в такой почти пасторальной сельской обстановке проходили первые годы жизни Серёжи, его друзей и подружек. Ловля рыбы на запрудах в летние месяцы, свой ритуал празднования Троицы в компании сверстников в каком-нибудь отдалённом местечке старого парка, всевозможные самодеятельные игры на улице, из которых самая любимая – прятки.

Впрочем, не для всех возрастов никольской ребятни летние дни были безмятежными. По мере взросления мальчиков и девочек на них дома уже возлагались многие дела по уходу за огородом и домашней скотиной. Чуть подросшему Серёже поручалось присматривать за новорождённым младшим братом Витей, пропалывать время от времени огородные грядки. Когда старшему из двух братьев едва исполнилось шесть лет, в семье случилась большая беда – родительский союз распался, у отца появилась другая женщина. Мама двух ребят, однолюбка, не захотела жить в одном селе с бывшим мужем и уехала в подмосковные Люберцы, к родной сестре. Дети по обоюдному согласию остались в Никольском. Их бабушка по отцовской линии – Татьяна Ивановна – своими чувствами по мере сил и возможностей возместила им пустоту после вынужденного отъезда матери.

Пришедшая в их семью другая женщина – Александра Ивановна Соловьёва — была, конечно, двум мальчишкам мачехой. Но, как вспоминал Сергей Павлович, он никогда не относил к ней устойчивое сочетание двух слов – «злая мачеха». Происходившая из дружной интеллигентной семьи, Александра Ивановна ни при каких обстоятельствах ни словом, ни поступком не обижала пасынков. Напротив, она много занималась ими при подготовке к школе и старалась вниманием и заботой заменить по возможности родную мать по которой скучали мальчишки. Позже в их семье на свет появились ещё двое детей – Людмила, ставшая в Липецке, где тогда уже жили Непобедимые, известной учёной-семеноводом, кандидатом сельскохозяйственных наук, и Владимир, многие годы работавший главным энергетиком на Липецком водоканале.

Однако вернёмся назад в Никольское, где в новоро-

ждённом совхозе довольно быстро укреплялась техническая база. В механических мастерских, пока к селу подводилось электричество, уже был установлен токарный станок. На тот момент его электромотор был без надобности. Тем не менее станок работал, а токарь, обученный в городе, вытачивал на нём нужные для хозяйства детали. Деревенских мастеров выручила смекалка: они не стали ждать, пока энергетики подведут линию электропередачи. Шпиндель станка крутился от хитроумной ременной передачи, которую руками, как ворот на колодце, вращали попеременно несколько работников.

Неизгладимое впечатление на маленького Серёжу произвёл приход в Никольское первых восьми колёсных тракторов «Фордзон», сделанных в Ленинграде на бывшем Путиловском заводе. Ему как сыну главного механика было дозволено даже проехаться на этой машине, невиданной доселе в деревне. А потом он при каждом удобном случае забегал в мастерские, чтобы с разрешения взрослых посидеть на месте тракториста.

Как рассказывал Сергей Павлович, в школу он начал ходить ещё до наступления семилетнего возраста, после которого ребят зачисляли в первый класс. Он просто присоединялся к своим старшим – всего на год-другой – друзьям и шёл с ними в школу, где все классы начальной школы располагались в одном помещении. Даже в солидном возрасте Непобедимый помнил фамилию своей первой учительницы – Соглаева. Она разрешила Серёже бывать на её уроках несмотря на то, что мальчик по возрасту ещё не был зачислен в школу. В течение всех уроков она умудрялась быстро переключаться с одной темы на другую в зависимости от класса – от первого до четвёртого. Учительница всегда по-доброму относилась к своим воспитанникам и редко повышала голос на ребят, даже если они излишне проказничали. И всегда охотно и подробно раскрывала перед ними тайны познаний по разным предметам, что пробуждало в учениках интерес к постижению школьных наук. Позже, когда Серёжа втянулся в учёбу, которая ему давалась довольно легко, его просто записали в один из классов.

Семилетним с семьёй и с уже немного накопленным багажом школьного опыта он оказался в райцентре, где отец поначалу заведовал автошколой. Размеренная жизнь в небольшом городе не слишком отличалась от прежней, в Никольском, хотя населения в Щиграх было существенно больше. Административный центр района имел немало ка-

менных домов, но в основном был застроен деревянными, окружёнными фруктовыми садами, которые весной заселяли знаменитые курские соловьи.

Здесь в Щиграх, Сергей Павлович прожил все годы до окончания школы. Их семья поселилась в съёмном доме на улице Красной, владелица которого уехала в столицу к детям. Всего за несколько лет на его глазах Щигры стали быстро развиваться. И это, пожалуй, относилось в первую очередь к расширению возможностей для образования и развития, как порой теперь говорят, «человеческого капитала». Уже в двадцатые годы здесь открылись и стали заполняться учащимися школы и три техникума, в которых готовили педагогов, фельдшеров и специалистов сельского хозяйства. Для работающей молодёжи была открыта вечерняя школа.

Когда уже на склоне лет Сергей Павлович говорил о своей юности и школьных годах, в его голосе всегда ощущались тёплые нотки от ощущения давно прошедшего времени и глубокого почтения перед тем, как менялась жизнь, и перед теми, кто сопровождал его взросление в ту далёкую эпоху. Однажды в Щигры из Москвы пришла телеграмма от Надежды Константиновны Крупской. Она, в те годы заместитель наркома просвещения РСФСР, поздравляла жителей с ликвидацией неграмотности в городе и районе. Её приветствие не было случайным – ведь достижения жителей небольшого городка в преодолении необразованности населения были действительно заметными и значительными. Чему, конечно, содействовала целенаправленная политика Советского государства в сфере народного просвещения.

Тогда уже почти все преподаватели местной школы имели высшее образование, причём многие из них приехали в город, будучи выпускниками Московского университета. В тот период, в начале тридцатых годов, в научном мире лишь закладывались основы современной физики атомного ядра и элементарных частиц, крупнейшими учёными ещё выстраивалась теория цепной реакции деления. В зарубежных университетах, в Харьковском и Ленинградском физико-технических институтах в те годы начинались и проводились лишь первые опыты по расщеплению ядер лития и бора, а в глубине недавно ещё малограмотной страны, в обычной щигровской средней школе учитель физики Николай Лунёв выписывал по почте и читал специальную литературу, а потом уже на своих уроках щедро делился с учениками своими познаниями в физике того времени.

В организации учёбы школьников всячески культивировалось почтение к знаниям – особенно по физике, химии, математике. Не каждому ученику сразу давались знания по этим сложным предметам. Поэтому в школе создавались специальные группы для внеклассной подготовки тех парней и девчат, у кого «хромала» успеваемость. Таких подтягивали те, у кого учёба шла успешно. Среди них был и Сергей Непобедимый, который являлся отличником и потому ему доверяли «брать на буксир» отстающих. Плодами естественных наук он всегда вовремя и в достатке пополнял свой умственный багаж, однако в школьных программах той эпохи не меньшее внимание отводилось и гуманитарным предметам. Учеников увлечённо приучала к родной словесности, постепенно прививая любовь к ней, учительница русского языка и литературы Малыгина.

Учебная программа предлагала школярам тридцатых годов многое из отечественного литературного наследия. Особенно «трудоёмкой» была поэзия, многое требовалось знать наизусть, а в основе школьного курса были бесспорные корифеи – Пушкин и Лермонтов. С тех самых пор и осели в памяти Сергея Павловича пушкинские строфы, которые он без труда потом вспоминал в своей московской квартире через семьдесят лет. А тогда, в школе, он с ровесниками проживал выпавшие им времена, которые, как известно, не выбирают.

Когда он вспоминал о жизни в Щиграх, то упор в самых давних и ярких впечатлениях делал на школе. Он всякий раз подчёркивал, что в её стенах ребятам всегда было интересно. Большой спортивный зал для физкультуры почти никогда не пустовал. Вечерами здесь крутили немые или первые звуковые фильмы, а время от времени устраивали танцевальные вечера под аккомпанемент стоящего в зале пианино, на котором играли в основном их же соученицы. В стенах этого же зала проходили репетиции и концерты школьного хора, востребованного в районном центре.

Школьная жизнь бурлила на многих направлениях. Спортивные команды школы по футболу, волейболу, лёгкой атлетике, по лыжам, по пулевой стрельбе неизменно занимали передовые позиции в городских и районных турнирах. Чтение молодого тогда и популярного журнала «Знание—сила», который был выписан отцом для сыновей, сделало Сергея участником Всесоюзного конкурса судомоделистов, когда по журнальным схемам он изготовил и отослал в Москву действующую модель парового глиссера. Её

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru